

Русская Православная Церковь
Московская епархия

Приходской листок Благовещенского храма д. Матвеевское

№1 (18 марта 2012 года).

Неделя III Великого поста, Крестопоклонная

Апостольское чтение на литургии

Итак, имея Первосвященника великого, прошедшего небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания *нашего*. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших, но Который, подобно *нам*, искушен во всем, кроме греха.

Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость и обрести благодать для благовременной помощи.

Ибо всякий первосвященник, из человеков избираемый, для человеков поставляется на служение Богу, чтобы приносить дары и жертвы за грехи, могущий снисходить невежествующим и заблуждающим, потому что и сам обложен немощью, и посему он должен как за народ, так и за себя приносить *жертвы* о грехах.

И никто сам собою не приемлет этой чести, но призываемый Богом, как и Аарон.

Так и Христос не Сам Себе присвоил славу быть первосвященником, но Тот, Кто сказал Ему: Ты Сын Мой, Я ныне родил Тебя; как и в другом *месте* говорит: Ты священник вовек по чину Мелхиседека.

(Послание к Евреям святого апостола Павла, Глава IV, 14 – Глава V, 6).

Святоотеческое поучение

"Кто хочет идти за Мною, отвергнись себя и возьми крест свой и следуй за Мною" (Мк. 8, 34). За Господом крестоносцем нельзя идти без креста; и все идущие за Ним, непременно идут с крестом. Что же такое этот крест? Всякого рода неудобства, тяготы и прискорбности, налегающие и извне, и изнутри, на пути добросовестного исполнения заповедей Господних в жизни по духу Его предписаний и требований. Такой крест так сросен с христианином, что где христианин, там и крест этот, а где нет этого креста, там нет и христианина. Всесторонняя льготность и жизнь в утехах не к лицу христианину истинному. Задача его себя очистить и исправить. Он, как больной, которому надо делать то прижигания, то отрезания, а этому как быть без боли? Он хочет вырваться из плена врага сильного, - а этому как быть без борьбы и ран? Он должен идти наперекор всем окружающим его порядкам, а это как выдержать без неудобства и стеснений. Радуйся же, чувствуя на себе крест, ибо это знак, что ты идешь вслед Господа, путем спасения, в рай. Потерпи немного. Вот - вот конец и венцы!

(Святитель Феофан Затворник. Мысли на каждый день года)

Евангельское чтение на литургии

И, подзвав народ с учениками Своими, сказал им: кто хочет идти за Мною, отвергнись себя, и возьми крест свой, и следуй за Мною.

Ибо кто хочет душу свою сберечь, тот потеряет ее, а кто потеряет душу свою ради Меня и Евангелия, тот сбережет ее.

Ибо какая польза человеку, если он приобретет весь мир, а душе своей повредит?

Или какой выкуп даст человек за душу свою?

Ибо кто постыдится Меня и Моих слов в роде сем прелюбодейном и грешном, того постыдится и Сын Человеческий, когда приидет в славе Отца Своего со святыми Ангелами.

И сказал им: истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе.

(Евангелие от Марка, Глава 8, 34 – Глава 9, 1)

Мысли о добре и зле

Мера страдания

Садовник срезает ветви, чтобы дерево быстрее росло и лучше плодоносило. Если он превысит меру и срежет лишнее, дерево засохнет.

Верь, что твое страдание никогда не может превзойти меры. Бог наблюдает за каждым человеком заботливее и милосерднее любого садовника.

Послушай, как рассуждает преподобный Нил Сорский: "Если горшечник знает меру предержания сосуда в огне, чтобы тот не лопнул, неужели Бог не знает меры наших страданий?" Верь, Господь имеет большее рассуждение, чем человек.

(Святитель Николай Сербский)

Дорогие братья и сестры! Просьба не использовать приходской листок в хозяйственных целях.

Если Вы его прочитали – передайте другим.

Большой Гена

Путь раскаявшегося разбойника - это наш кровный русский путь...

Было это давно, году в 2001-ом. Помню, в храм пришел пожилой сухошавый мужчина высокого роста. Пришел в воскресенье, день для нас самый напряженный. В воскресенье мы и служим полдня, и многие специально приходят пообщаться со священником... Пришел он без всяких предварительных договоренностей и просит его крестить.

Говорю ему: – Отец, может, в другой день встретимся?

А он: – Нет, батюшка, крести сейчас, я так долго собирался духом, что боюсь, этого духа мне на большее и не хватит.

Чтобы крестить Большого Гену (это уж мне потом сказали его прозвище), нужно было затратить не меньше сорока минут. Значит, кому-то придется ждать.

Гена принадлежал к тем людям, которые, крестившись, больше в церковь не приходят. Вроде и крестить его без дальнейшего продолжения не имело смысла, но и возраст Гены внушал уважение. Не окрещу его сейчас, потом, глядишь, вообще не придет, а помрет, так я себе потом места не найду, совесть замучает. Это же не игрушка, – душа человеческая, – с меня же за нее потом спросят.

И пришлось мне крестить Большого Гену в воскресный день, хотя и сердце мое была к этому не расположено. И вот, когда уже завершал таинство, я бросил взгляд на Гену, а он одевает на себя новенькую белую маечку и крестик рукой к груди прижимает. Потом, смотрю, жена подходит и подает ему свежую белую рубашку.

Вот только тогда я поверил Гене. Понял, что его поход в церковь, действительно, дался ему большим усилием. Он по-своему готовился к нему, и крещение принял трепетно и как-то по-детски торжественно. Его встреча с Богом состоялась. Никогда больше я не видел, чтобы взрослый человек себе крестильную рубашку готовил, или из темной в белую одежду переодевался. Белый цвет – символ душевной чистоты, наступающей после Таинства, и Гена это понимал каким-то инстинктом.

Недооценил я его порыва. Мне стало стыдно, что с самого начала отнесся невнимательно к этой душе. Мы потом с ним еще говорили, рассказал ему как надо молиться, приглашал приходить на Литургию, но, как и предполагал, в храме я его больше не видел. Не думаю, чтобы он куда-то в другое место ездил. Потихоньку я уже было стал забывать о Большом Гене, как вдруг он вновь напомнил о себе.

Мы тогда четыре года подряд, Великим Постом, ходили по квартирам в поселке и собирали пожертвования. Во-первых, была нужда восстанавливать храм, приводить его в Божеский вид, а, во-вторых, и это было, на самом деле, главная цель наших походов, – постучать в каждую дверь и сказать: «Посмотри, вон там, на горе – храм. Подними глаза, задумайся о вечности и приходи».

Перед тем, как отправлять сборщиков по квартирам, мы их долго готовили, специально отбирали людей постарше, к ним больше уважения. Молились о них и с ними. В каждый дом ходили только те, кто в нем и жил. Жители домов должны были знать церковных ходоков в лицо. Ходили по двое, как в Евангелии (Господь посылал Апостолов на проповедь). Независимо от размера пожертвования, сборщики переписывали имена всех крещеных насельников квартиры, а потом священник поминал этих людей на Проскомидии.

Четыре года подряд мы поминали поименно почти всех жителей поселка. Денег, правда, собрали немного, но зато достучались до каждой семьи, а уж решать каждый должен сам. По сотне душ каждый год отпеваем. За четыре года это четыреста человек. Может, кто-нибудь из них и услышал.

Что только не испытали на себе наши апостолы. И прогоняли их, и оскорбляли. Не понимаю я: ну не хочешь жертвовать, так закрой тихонько дверь, или дай десять копеек для смеха, но зачем обижать пожилых людей, ты же с ними в одном дворе живешь. Как потом в глаза им смотреть будешь?

А кричать зачем? – Наверно, чтобы себя же и уверить в своей правоте.

Возвращается к тебе такой сборщик и говорит со слезами: «Батюшка, уволь, не могу больше! Сил нет, все это выслушивать!» А на другой день подойдет и вновь просит благословения продолжать: «Кто им еще о Боге скажет? Иеговисты? Да и не все нас обижают, далеко не все, многие благодарят, что пришли, чаем угощают. Дальше пойдем».

Смотришь на ведомости пожертвований и удивляешься, – самыми скаредными оказываются люди самые зажиточные. Значительные предприниматели. Жертвовали они в основном рублей по десять, редко кто давал двадцать. Бедняки – сердечнее.

Самый богатый человек в поселке, в первый же год, вышел из квартиры, развернул моих апостолов лицом к лестничному пролету и предупредил: «Придете еще хоть раз, скину головой вниз». Может потому он и такой богатый?

Хотя, наверное, я впадаю в осуждение. К людям состоятельным и без нас много просителей приходит, надоели...

Но, возвращаюсь к Большому Гене. В его дом пришли мои проповедники. Гена открыл им дверь, обрадовался и пригласил войти. Он был один, хозяйка ушла на весь день. На просьбу сборщиков отреагировал без колебаний. Достал заветные десять рублей и сказал: «Мне жена на пиво выдает по десятке на два дня, остальные прячет. Так что это все, что у меня есть, можно я их отдам?»

Рассказывают: отдал и так обрадовался, что даже прослезился. В ту же ночь Большой Гена умер. Он не болел ничем и не собирался умирать. Но, видимо, Господь на самом деле забирает человека в самый подходящий для него момент. На максимуме каком-то, что ли. На максимуме добра или зла. И у каждого он, максимум, – свой.

Для Большого Гены в его отношениях с Богом, в тот день, наверное, наступил момент истины. Он как та вдовица, отдал свои «две лепты», все, что имел, – и его заметили (призрел Господь)!

Много воды утекло с тех пор. Многие люди, кому мы бесконечно благодарны, и на чьи пожертвования восстал наш красавец храм, жертвовали с радостью, но больше, чем Гена, так никто в кружку и не положил.

Царство ему Небесное. Я очень хочу в это верить!

Иерей Александр Дьяченко